

Россия на пороге нового столетия, нового тысячелетия. Какой след в ее истории оставил век двадцатый?

— По-моему, он едва ли не самый горький в ее истории, век очень печальный. Прежде всего потому, что он привел к изменению менталитета русского народа. Не очень люблю употреблять иностранные слова, но в данном случае точного аналога не подберешь.

— **Мироощущение, мирознание...**

— Нет, не совсем то. Для меня менталитет — это система нравственных координат народа, своего рода его визитная карточка. Менталитет России был дворянским, у нас были дворянская история, культура, литература. Этот менталитет воспринимала Европа, мы считались страной европейской. Когда я говорю о дворянском менталитете, отнюдь не имею в виду, что он приобретался только с рождением в дворянской семье и выходцы из других социальных слоев его не имели. Напротив, любая энергичная честолюбивая натура могла ему соответствовать. Не случайно начиная с 60-х годов прошлого века дворянство отодвигается на второй план, а на первый выходят разночинцы — внесословная категория свободных людей. Однако менталитет продолжает оставаться дворянским. С ним было покончено не сразу даже после революции. Одно дело — истребить дворянство, буржуазию, даже крестьянство, другое — заменить менталитет народа. Тут потребовалась длительная обработка мозгов. Я застал те времена, когда это начиналось. Первые мои учителя преподавали историю и литературу в старых дворянских традициях. Потом они начали постепенно исчезать, и на смену им приходили совсем другие, и чем дальше, тем все мельче и мельче как личности... Стало стираться само понятие личности — одно из основных для русского менталитета. Вот один достаточно красноречивый пример.

Мальчишкой лет двенадцати я увлекался книгами из серии "Жизнь замечательных людей". Мне их давал читать отец. Какие имена я запомнил? Кортес, Тамерлан, Дрейк, Наполеон, Разин. Речь шла о сильных людях, строивших свою судьбу и перевернувших в той или иной степени мир. Русскому менталитету было свойственно восхищение личностью как таковой, вне национальных, религиозных, политических окрасок. Россия провела страшную Отечественную войну, но как русская интеллигенция восхищалась Наполеоном! А потом о ком пошла книга из этой серии? Партийные функционеры, чекисты, передовики и так далее. Критерием "замечательности" стало послушание личности. Выполняешь все указания партии и правительства — значит, о тебе можно книги сочинять.

И как изменилась сама наша литература! На мой взгляд, глубинная суть ее состоит в сочувствии человеку. Почему она не знает счастливых концов? Да чтобы читающий, но очень далекий от народа дворянин проникся состраданием к судьбе, условно говоря, Акакия Акакиевича Башмачкина.

— **Над вымыслом слезами обольюсь?**

— Именно. Однако постепенно из литературы сочувствующей она стала превращаться в утверждающую, в прославляющую воякину, социальную справедливость и как бы олицетворяющих ее партийных функцио-

неров. Поскольку же литература составляет одну из основ, тем более что мы страна читающая, то это привело к резкому изменению вектора системы нравственных ценностей.

А дальше была война, и произошло дальнейшее понижение нравственного порога.

— **Как же так, мы ведь привыкли считать ее временем духовного взлета, а поколение, прошедшее ее, одним из лучших?**

— Война всегда понижает нравственный уровень воюющих народов. Она отрицает основные моральные постулаты и рождает чувство вседозволенности, к сожалению, прежде всего у народа-победителя. За убийство в мирное время — расстрел, на войне — орден. За насилие над женщиной — тюремный срок, в прифронтовой полосе женщина — твоя законная добыча. Воровство в мирное время наказуемо, там, особенно на оккупированной территории, все твое. Мы же немцев до нитки обообрали. Плюс к тому случилась еще одна страшная вещь. Солдаты буквально перелопачивают землю. Конечно, это необходимо, чтобы спрятаться, но поскольку в этом труде нет созидания, он ненормален, то невольно в подсознании человека рождается отвращение к труду вообще. Так что мое глубочайшее убеждение, что с войны приходят люди с ушербной, а отнюдь не с повышенной нравственностью. Вернулись усталые, опустошенные люди, считавшие, что убить человека ничего не стоит, причем женщины исключения не составляли. Посмотрите цифры — как возросло количество грабежей, убийств. Что это — дело рук уголовников? Перестаньте, это бывшие офицеры и солдаты. Говорить больно, но так было.

Прибавьте сюда то, что было содеяно нами по отношению к целым народам, высланным на верную гибель. — **Но ведь это совершалось безнравственными правителями.** — Таковые у власти оказываются не могут, если само государство нравственно по всем своим параметрам и законам. Вспомните, что сделал Франко, которого мы так любили изображать с окровавленным топором в руке, когда он пришел к власти. Через год амнистировал всех сидевших в тюрьмах своих противников и установил общий памятник всем погибшим. И госпиталь для всех участников войны построил на свои деньги, не на государственные. Он был умен и понимал, что в гражданской войне нет победителей и побежденных, просто есть люди, которые по-разному видят свою родину, и никто в том не виноват. А мы? Мало того, что не было ни одного кладбища для погибших в гражданскую, мало того, что были перепаханы могилы белых офицеров, — до сих пор поисковые отряды отыскивают кости непохороненных после Отечественной. О какой нравственности может идти речь! Нравственность — личное человеческое состояние. У нас же она всегда как бы

выносилась за скобки, ибо господствовала нравственность государственная. Религии не существовало — значит, отсутствовало понятие греха. Семья воспитанием человека не занималась, и в том вина не мамы с папой — они вкалывали с утра до вечера. Отсюда основным блюстителем морали был участковый, и, если ты переступал черту, машина срабатывала четко и жестоко. Стало быть, главной твоей задачей было ее обойти. Ложь перестала считаться

только когда наверху сообразили, что народ с места не сдвинется, мгновенно вспомнили о таком чувстве, как русский патриотизм, воззвали к нему, стали славить отечественных героев, вернули права и погоны офицерам... Патриотизм ведь — чувство интимное, не показное, помните, как сказано у Толстого — "скрытая теплота патриотизма"? Вот на волне этого чувства и поднялся народ, у которого возникло ощущение, пусть и обманчивое,

воды, когда надо было справку получить, что ты говел. Наше государство и тогда умудрялось без ограничений не выпускать.

Далее. Дворянство служило. Как вы полагаете, можно считать религиозным офицера, ведущего солдат в бой?

— **Одного, наверное, да, другого нет. По-разному.**

— Ни того ни другого. Они оба обладают правом на убийство и учат этому своих подчиненных. Как, нарушая одну из основных заповедей,

Борис ВАСИЛЬЕВ: Куранты - 1995 - 6 мая - в. 6.

СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕЛЬЗЯ СПУСТИТЬ С ВЕРХУ

преступлением, обман пронызал все, но произрастал он снизу. Мы привыкли ссылаться на террор, но это мелко. Одним террором менталитет народа не изменишь, новую модель поведения не навяжешь.

К чему приучали советского человека? В первую очередь — к системе простых решений, мы все на ней выращены, путь каждого был прочерчен от октябренька до пенсионера. Мало кто отважился на отклонения от него, на личное решение своей судьбы. Поэтому мы чудовищно безответственны во всем — изнутри заложено. Именно эта безответственность доминирует ныне повсюду — ни на кого нельзя положиться.

— **Может быть, многие наши беды объясняются тем, что в общественном сознании не сформировалась созидательная объединяющая идея?**

— Ради Бога, какая идея! Мы ими сыты по горло, может быть, хватит? Я, разумеется, знаю, что некоторые убеждены, что национальная идея может придать стабильность государству. Чепуха. Для любого народа общенациональным смыслом существования может быть только некий внутренний его договор с правительством: мы исправно платим налоги и не нарушаем закон, а вы обеспечиваете нам детство, работу, крышу над головой, старость, защиту от преступников. Все. Что еще нужно любому народу? Свобода? Нет, она ему не нужна. Он хочет прежде всего стабильности. Остальное волнует только интеллигенцию. Это первое. Второе — смысл существования народа нельзя изобрести ни в каких кабинетах и спустить сверху. Это никак не могут взять в толк представители разных флангов нашей интеллигенции, вновь по-большевистски пытающиеся это сделать. Ничего не получится. Смысл существования народа рождается только снизу, и для каждого он начинается с семьи и тех условий ее жизни, которые я назвал. Поэтому ни о каком формировании общенациональных ценностей нельзя говорить сейчас, когда мы живем в государстве, где нет права и закона, в государстве, которое нас не защищает. Власти занимаются всем, чем угодно, только не своим народом.

Кстати, вернемся к опыту войны. Пока господствовало убеждение, что патриотов рождает идея, мы отступали. Любая идея — партийная, религиозная, национальная и так далее — способна породить только фанатиков. Да, они совершали на фронте подвиги, но сколько их было? И

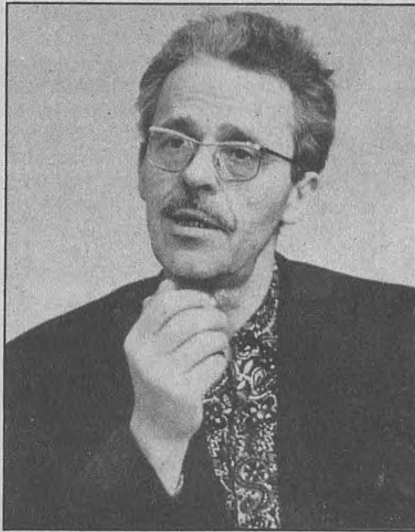
будто он — хозяин страны. Не за Кремль же пошли умирать. Но заметьте, что притом доверяя к народу все-таки не было, мы — единственная страна, прибегнувшая к введению заградотрядов. Кремлевская командочка, эти оккупанты собственной страны, людей не жалела.

— **Как вы относитесь к мысли о восстановлении монархии именно в качестве некоего гаранта стабильности государства?**

— Идея монархии всегда была мила для России, но сегодня она абсурдна со всех точек зрения. Во-первых, вспомним, что монархия была отменена отнюдь не большевиками, а буржуазным правительством после, подчеркиваю, добровольного отречения государя. Так что это будет скачок назад через две общественные формации. Во-вторых, основой монархии во всех странах было дворянство, и в России она в значительной степени столь легко рухнула, что большая и лучшая часть офицерства была перебита во время Русско-японской и Первой мировой войн. В-третьих, в тех странах, где монархия еще сохраняется, она есть не что иное, как украшение, и весьма дорогостоящее. Кому оно нужно? Народу? Никогда — зачем себе на шею вешать ее содержание? Выходит, только тем, кто намерен реально управлять страной, прикрывшись этой декорацией. И это опасно.

— **В последнее время все больше распространяет свое влияние церковь. Вы это приветствуете?**

— Нет, в религии я не вижу спасения, тем более что русское дворянство, интеллигенция никогда не были так религиозны, как нам сейчас пытаются представить. Еще в начале прошлого века, пройдя через Великую французскую революцию, дворянство увидело, как безнадежно отстала от мира наша Православная церковь в ее одеждах тысячелетней давности, насколько она замкнулась на форме и не желает никаких изменений. Все это мы наблюдаем до сих пор. Несомненно, в деревне, где 5 процентов грамотных, весь этот антураж имел значение, он заменял человеку театр, картинную галерею. Но не в городе. Большинство дворян в церковь заглядывали по большим праздникам, когда стыдно было не появиться, да еще перед выездом за границу, на

они могут быть религиозны? Внешне — да, внутренне — нет. Вера — да, но непродуктивно, наедине. Если ты пошел в церковь, отбил поклоны, чмокнул зацелованные ряссы, а потом, придя домой, нажрался водки, ты не христианин, ты — самый обыкновенный язычник. А потом, о чем ты в церкви молился? Здоровья просил, других конкретных вещей, которых только у идола можно просить. Бог-то душой нашей заведует, а не телом. Я убежден, что Россия на самом деле страна языческая, а не православная. Сейчас это стало как-то особенно ясно.

— **Несколько лет назад вы говорили о том, что надеетесь только на интеллигенцию. Похоже, ваши надежды не оправдались.**

— Я произносил эти слова в романтическую пору нашей демократии, сегодня мы вступили в стадию трагическую. Отношение к интеллигенции как к главному действующему лицу последнего времени, разумеется, не могло не измениться. Тем не менее я по-прежнему не вижу другой силы, могущей реально что-либо организовать. Да и нет ее. Во всем мире, во всех передвигаях все решает интеллектуальная часть общества. Рабочий класс, крестьянство способны на бунты, но только интеллигенция, к какому бы лагерю она ни принадлежала, может просчитывать ходы на многие годы вперед.

— **Сдается, что нынешняя наша интеллигенция этим качеством не обладает.**

— Просто она еще раз доказала, что таковой по своему менталитету не является. Ожидать результатов завтра — значит ожидать чуда. Но чудес на свете не бывает, и интеллигенция их ждать не должна, она должна работать. Труд и результат — вот ее дело.

Беседовал Александр НИКОЛАЕВ.